

Освещение жизни псковского крестьянства в годы Гражданской войны периодической печатью 1918 – 1920 гг.

К моменту революции и Гражданской войны Псковская губерния являлась типично аграрной губернией, где 93% всего населения было сельским, а прослойка пролетариата малочисленной. Именно от политических симпатий и социальной активности крестьянства во многом зависели ход и развитие событий тех бурных революционных лет. Учитывая сложившуюся ситуацию, все политические режимы, существующие на территории Псковской губернии, стремились завоевать доверие многочисленного крестьянства, обращаясь к нему через различного рода воззвания, прокламации и периодическую печать. На страницах губернских и уездных газет того времени были отражены все основные события из жизни псковского крестьянства, сложные, порой противоречивые процессы и изменения, происходившие на селе.

В основе первых революционных преобразований советской власти на селе лежал Декрет о земле, принятый II Всероссийским Съездом Советов 26 октября 1917 г. На основании этого декрета уничтожалась вся помещичья, монастырская и церковная собственность на землю и начинался коренной передел земли под руководством волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Основные моменты о реализации Декрета нашли свое отражение на страницах периодической печати того времени: писалось об размерах изъятия земли, трудностях, возникавших при пере-

деле земельных владений и имущества. Сам процесс передела земельных угодий проходил в два этапа. В первый период – с момента издания Декрета до весны 1918 г. – в ликвидации помещичьего землевладения было заинтересовано все крестьянство, как зажиточное, так и малообеспеченное. Второй этап приходится на период с весны 1918 г. по лето 1919 г. когда обострилась борьба за право распоряжаться землей и сельскохозяйственным инвентарем в среде самого крестьянства. Газета «Псковский набат», печатный орган Псковского губкома РКП(б) и губисполкома отмечала, что в Старицкой волости Торопецкого уезда «земля от помещиков отобрана, но население ею не пользуется». Причиной такого положения на селе было «преступное влияние волостного земельного отдела, действовавшего в угоду зажиточного крестьянства».¹ Подобное подтверждала и газета «Деревенская коммуна», печатный орган исполнительного комитета Союза коммун Северной области, которая, отмечала, переделы земли продолжались и в 1919 г. Так, «в д. Сконово, расположенной в пяти верстах от ст. Дно Порховского уезда, крестьяне вторую весну не могли окончательно поделить землю, находясь в конфликте с зажиточными односельчанами».² Аналогичным было положение в Копыловской волости Опочецкого уезда, где местный волисполком состоял из кулаков.³ Зажиточные крестьяне порой проявляли недовольство новым советским руководством на селе. Так, газета Новоржевского уезда «Непогасимое пламя» сообщала, что 25 мая 1918 г. в селе Кудеверь Новоржевского уезда кулаки издевались над председателем волостного совета, провели его по деревне с хомутом на шее и избивали кнутом. Пред-

Васильев Максим Викторович – аспирант кафедры русской истории Псковского государственного педагогического университета им. С.М. Кирова.

седатель был освобожден подошедшими на помощи красноармейцами.⁴ В Пожеревицкой волости Порховского уезда во главе исполкома встал Дмитрий Ильин. Ильин, являясь кулаком и торговцем, продолжал использовать наемный труд, брал с середняков контрибуцию будучи «ответственным советским работником». Тем, кто возражал председателю, Ильин «грозил стенкой, карательными отрядами и китайцами».⁵

Иногда конфликты крестьян на почве раздела земли или сельскохозяйственного имущества проходили и с представителями русской православной церкви. Так, газета «Деревенская коммуна» сообщала, что в Невельском уезде крестьяне хотели отобрать излишки сена у местного батюшки, но когда они подошли к сену, навстречу им вышел священник с винтовкой и крестьяне не посмели посягнуть на его имущество.⁶

Псковская губерния еще в довоенные годы являлась потребляющей губернией, а в условиях разрухи, доставка хлеба была нарушена, и продовольственная проблема резко обострилась. К весне 1919 г. во многих уездах были съедены посевные запасы зерна, что вызвало недосев площадей. В 1920 г. «Псковский набат» приводил следующие цифры. Если в 1910 г. ввоз хлеба составил 1,8 млн. пудов, в 1917 г. – 1,1 млн., то за весь 1918 г. он составил лишь 175 тыс. пудов.⁷ Из-за отсутствия ржаной и ячменной муки крестьяне размалывали льняное семя и пекли из него хлеб. «Качественную муку достать на рынке Псковской губернии практически невозможно», писала оккупационная газета «Псковский вестник».⁸ Острая проблема голода в губернии неоднократно отмечалась и на страницах «Моей газеты», оккупационного печатного органа издававшегося в Острове.⁹ В это время «Псковский набат» сообщал, что в 1918 г. в Псковском уезде недостаток хлеба составлял 468 816 пудов, в следствии чего была введена норма потребления 20 фунтов в месяц на человека. В этой же статье приводилось количество реквизируемого зерна продовольственными отрядами по различным волостям Псковского уезда. Так, из Палкинской волости было изъято 18 133 пуда зерна, Мелеховской – 11451 пуд, Прудской – 10626 пуд., Виделибской – 1117 пуд.

Больше всего зерна (19321 пуд) было изъято в Паниковской волости. Как отмечалось в записке, конфискованные зерновые излишки были распределены между бедной, а остаток зерна направлен в Псков.¹⁰ Затруднения с продовольствием вызвало резкий рост цен на хлеб и другие товары. Так, «Непогасимое пламя» в одном из весенних номеров сообщала, что в Новоржевском уезде хлеб продавали по цене в 200-300 руб. за четверть.¹¹ Для сравнения можно привести средние рыночные цены на ржаную муку в Великолукском уезде, которая продавалась по 20 руб. 40 коп. за пуд.¹² В целях смягчения продовольственного кризиса и поисках выхода из него местные органы власти организовывали обмен у населения семян льна (псковский долгунец) на посевной овес. Так, в Новоржевском уезде за льняное семя хорошего качества чистотой в 90% выдавали 1 пуд 20 фунтов овса.¹³ Также, организовывался сбор излишков овощей местными общественными потребителями в обмен на фиксированное денежное вознаграждение. О месте и времени проводимых мероприятий заранее сообщала периодическая печать.¹⁴ Но, несмотря на усилия советских органов власти, с продовольственным кризисом справиться не удалось. В 1919 г. проблема недосева, а порой и голода вновь обострилась. На страницах «Псковского набата» приводились данные по Новоржевскому уезду, наглядно показывающие тяжелую ситуацию на селе. Так, если в 1916 г. по уезду было засеяно 45435 дес. земли, то в 1918 г. только 28161 дес. Недосев составил 5204 дес. ячменя, 2360 дес. овса, 833 дес. гороха. Общий недосев без учета посевных площадей отведенных под лен, составил 11309 дес. или 38% от общего количества площадей. В то же время, отмечал автор статьи, число едоков увеличилось на 24,8%¹⁵, что было связано со значительным притоком беженцев из западных районов. В таких условиях уже в январе на страницах «Псковского набата» прогнозировался огромный недостаток зерна в первой половине 1919 г.: указывалось например, что только в Порховском уезде ожидается недостаток зерна в 200 тыс. пудов.¹⁶ Анализируя продовольственную ситуацию, сложившуюся в губернии в 1919 г., можно отметить, что подобные прогнозы, даваемые в периодиче-

ской печати того времени во многом оправдались.

На основании декрета ВЦИК и СНК «Об организации и снабжении деревенской бедноты» от 11 июля 1918 г. в Псковской губернии, как и по всей России, начали создаваться комитеты деревенской бедноты. Этот момент продовольственной диктатуры Советской власти так же не был обделен вниманием местных периодических изданий. Но заметки о деятельности комбедов чаще всего были малоинформативны: информация обычно ограничивалась названием конкретного комбеда, приступившего к учету и разделу хлебных запасов,¹⁷ или же отмечалась ведущая роль коммунистов в организации комбедов, которые «становились во главе борьбы с темнотой, невежеством, антисоветской агитацией, кулаками и прочими захребетниками».¹⁸ По данным, приведенным «Деревенской коммуной» за 1918 г. в Псковской губернии было создано 434 комбеда*, для других губерний Северной области газета приводила следующие цифры: в Олонецкой губернии было организовано 729 комбедов, Петроградской – 839, Новгородской – 2830, Архангельской – 4.¹⁹ Но все же, достаточно краткая информация в периодических изданиях не раскрывает всей полноты и характера деятельности комитетов деревенской бедноты в Псковской губернии.

Наиболее подробно периодической печатью освещается процесс создания и деятельности первых коллективных хозяйств в губернии. К ноябрю 1918 г. в результате ликвидации помещичьего, казенного, монастырского и церковного землевладения около полутора миллиона десятин земли перешло в руки крестьянства и коллективных хозяйств. На базе крупных имений создавались совхозы и коммуны. К концу 1918 г. в губернии насчитывалось 120 совхозов.²⁰

Одной из первых коммун в губернии была Высоковская коммуна Опочецкого уезда, как сообщал «Псковский набат», в коммуне состояло 76 человек.²¹ В коммуны вступали главным образом малосостоятельные крестьяне, которые видели в этих хозяйствах

* К сожалению, неизвестно на какое время приводится эта цифра, т.к. в 1918 г. в Псковской губернии комбедов было многократно больше.

способ выживания, а порой и спасение от голода. О судьбе многих подобных хозяйств имеются заметки в «Псковском набате» за зимние месяцы 1919 г. Так, газета указывала, что в ноябре 1918 г. образовалась коммуна «Рай тружеников», объединявшая 17 семейств с земельной площадью 179 дес. В Максимовской волости в октябре 1918 г. была создана коммуна «Баладинская», в состав которой вошло 183 чел.²² В январе 1919 г. появилась коммуна в селе Гритьково Туровской волости.²³ Аналогичные заметки в газетах были посвящены целому ряду коммун Новоржевского и Опочецкого уездов. Отмечалась «широкая разъяснительная работа» сотрудников Губземотдела в деле строительства и организации коллективных хозяйств.²⁴ Если в коммуны вступали в основном бедняки, то более состоятельные крестьяне порой негативно относились к подобным формам хозяйствования. Причину подобного отношения называла «Деревенская коммуна» в одном из своих весенних номеров. «Недоброжелательному отношению крестьянства к коммунарам, – отмечалось в газете, – способствуют иногда и сами члены коммун, воображающие себя привилегированными людьми на селе. Часто земельный отдел отводил лучшие земли коммунарам, но члены коммуны съедали семена, а лучшие земли отдавали обрабатывать своим родственникам».²⁵ Иногда во главе коммун становились люди совершенно не компетентные и безответственные, в результате чего страдали те только качественные показатели результативности, но и само хозяйство могло быть поставлено на край гибели. «Псковский набат» например отмечал, что в селе Торопец есть показательное советское хозяйство и племенной рассадник. Но показательным оно является только номинально, т.к. «благодаря неумелому уходу и халатному отношению заведующего рассадником гибнет лучший скот волости. Лучшие лошади на столько истощены, что не в состоянии везти даже легкой клади».²⁶ Всего по данным «Деревенской коммуны» на ноябрь 1919 г. в Псковской губернии действовало 17 коммун, в то время как в Орловской губернии их было создано 87, а в Тверской – 138.²⁷

Одновременно со строительством коммун в Псковской губернии стали создавать-

ся и трудовые артели. Затруднением в деле создания артелей было большое количество хуторных и отрубных хозяйств, число которых продолжало расти. «Псковский набат» приводил следующие цифры: «в результате столыпинской реформы из 13653 селений с 141662 дворами, выделилось 3427 селений, что составило 28391 двор. В Холмском уезде на хуторное и отрубное хозяйствование выделилось 39,6% селений». Поэтому, информировала газета, губернский съезд уездных земельных отделов разрешил организовывать артели из надельных крестьян и хуторян на их землях при наличии не менее 3-х человек в артели.²⁸ Всего к концу 1919 г. в Псковской губернии было создано 82 трудовых артели.²⁹

Положение крестьян в годы Гражданской войны усугубили болезни и эпидемии. В условиях недостатка должной медицинской помощи и отсутствия медикаментов, заразные заболевания уносили огромное количество жизней. Самым массовым заболеванием в те годы стал сыпной тиф, получивший широкое распространение в Псковской губернии.³⁰ На страницах периодической печати того времени тиф назывался врагом не менее опасным, чем белогвардейщина. В целях борьбы с эпидемией в 1920 г. в Псковской области с 21 февраля была объявлена «неделя чистоты» о проведении которой неоднократно сообщалось в газетах.³¹ Со страниц периодической печати губернские врачи предлагали раздать мыло населению и обеспечить общедоступной баней всех нуждающихся.³² В статье «Сыпной тиф и борьба с ним», давался подробный анализ заболевания, его симптомов, способов лечения.³³ В Островском уезде широкое распространение получил вирус гриппа «Испанка». «Моя газета» сообщала, что на оккупированной территории «испанкой болеют поголовно целые деревни. Есть деревни, где нет ни одной такой избы, где не болело бы целое семейство». Отмечался очень большой процент смертности. «Редкий день не хоронят по 5-6 человек».³⁴ Немного ранее, в Жеребцовской волости Островского уезда появилась сибирская язва, вызвавшая значительный падеж скота. На борьбу с эпидемией были брошены силы земства и немецких властей.³⁵

К концу февраля 1918 г. часть волостей Островского, Опочецкого и Псковского уездов были захвачены кайзеровскими войсками. Изучение периодической печати того времени в некой мере позволяет представить, как выстраивались отношения крестьян с оккупационной властью. Одним из важнейших вопросов, неоднократно поднимавшихся на страницах прессы, была торговая активность крестьянства. Многие крестьяне, в особенности приезжающие из неоккупированных территорий, не признавали немецкие денежные знаки, в результате чего на рынках часто происходили различного рода столкновения. Так «Моя газета» сообщала, что из-за отказа крестьян принимать немецкие деньги на рынке г. Острова происходят постоянные конфликты, несколько крестьян задержано и на некоторых из них составлялись протоколы.³⁶ В свою очередь, крестьяне, приезжавшие в город для торговли, стремились закупить как можно больше промышленных товаров для переправки их в неоккупированную территорию, где подобные товары были в дефиците. В результате германскому правительству приходилось ставить по границе полицейские патрули. Так, газета сообщала, что только за первую половину июля 1918 г. было задержано 8 крестьянских подвод, нагруженных различным товаром.³⁷ Но несмотря на все усилия оккупантов, крестьяне продолжали тайно переходить демаркационную линию и провозить дефицитные по тем временам товары. «Моя газета» отмечала, что крестьяне, минуя красные патрули, привозили из неоккупированных территорий в город табачные изделия, папиросы трех сортов по цене 1100 руб. за тысячу штук, а ящик махорки были головы продать за 600-700 руб. Отдавали крестьяне свой товар исключительно за «николаевки» и «керенки».³⁸ В наиболее сложном положении оказались жители деревень, расположенных на самой демаркационной линии. Пограничные патрули не пропускали их ни в Псков, ни на советскую территорию.³⁹ С лета 1918 г. на оккупированной территории также наметился дефицит товаров. Оккупационная газета в одной из заметок отмечала «враждебное отношение крестьян к городу, т.к. город не дал им чай, сахар, табак». Специальная немецкая комиссия указывала на то, что в деревне мно-

го пулеметов, оружия и колючей проволоки: «Любую комиссию из города деревня встречает пулеметно-винтовочной стрельбой, споры между деревнями решаются этим же оружием».⁴⁰ Массовое вооружение крестьян, бывших фронтовиков, являлось серьезной проблемой для оккупационных властей. К призывам о добровольной сдаче оружия крестьяне были абсолютно равнодушны. На фоне практически поголовной вооруженности населения широкую деятельность развернули различного рода бандитские шайки. «Псковский вестник» в «Очерке современной жизни в деревне» рассказывал о событиях, произошедших в д. Паньково Сонинской волости, где крестьяне во главе с неким Никитиным сколотили группу, вооруженную ружьями и гранатами, грабили зажиточных крестьян, порой прибегая к расстрелам. В целях самообороны местные крестьяне создали вооруженный отряд и блокировали бандитскую шайку в д. Федоровской. В результате перестрелки сам Никитин и значительная часть его отряда были уничтожены.⁴¹

Неоднократно происходили случаи вооруженных столкновений крестьян с латышскими отрядами.⁴² Наиболее серьезное столкновение крестьян с оккупационными военными подразделениями произошло 26 мая в Торошино. «Псковский вестник» так описывал происходившие события. На станцию Торошино прибыл состав в количестве 30 вагонов. По документам в вагонах хранились сухари, предназначенные для военнопленных. Пока решались вопросы с накладными документами, о железнодорожном составе и его содержанием узнало местное население. Утром 27 мая к станции стали подходить крестьяне, вооруженные винтовками и пулеметами. Всего на станции скопилось около 2-3 тысяч человек и несколько сотен подвод. Крестьяне ультимативно требовали изъятия хлеба. Латышский стрелковый батальон, несший охрану железнодорожной станции, открыл стрельбу по подходившим крестьянам. В результате перестрелки погибло 6 человек и 20 было ранено.⁴³

В результате вооруженной активности крестьян оккупационные власти были вынуждены организовывать в деревнях облавы и поголовные обыски с целью изъятия ору-

жия у крестьян.⁴⁴ За хранение оружия и вооруженный разбой на оккупированной территории полагалась высшая мера наказания. Так, в Островской тюрьме был расстрелян крестьянин одной из деревень Качановской волости В. Викторов «за создание грабительских шайк и хранение пулемета и боеприпасов».⁴⁵

Для учета населения на оккупированной территории вводились специальные паспорта, предполагающие наличие дактилоскопических отпечатков пальцев. С процессом снятия отпечатков у крестьян возникли своеобразные проблемы. Так «Моя газета» сообщала, что некоторые крестьяне д. Закульжье Жеребечкой волости были арестованы за отказ давать подобные отпечатки. Мотивировали они свой отказ тем, что «приложение такого отпечатка означает передачу души антихристу».⁴⁶

С октября 1918 г. германские части начали покидать деревни Островского уезда, а между крестьянами начиналась вражда. Оккупационная газета указывала, что поводом для конфликтов была прививка от оспы, которую по приказу оккупационного правительства делали местным жителям. «Те, кто не прививался стали обвинять своих односельчан в том, что «привившие оспу» и «положившие палец» уже окончательно перешли под германца». Нападкам подвергались и те крестьяне, в домах которых были размещены немецкие офицеры и унтер-офицеры. Их обвиняли в «якшании с немецким начальством». Хотя реальной причиной, отмечает автор заметки, являлось имущественное и земельное неравенство крестьян.⁴⁷

С началом Гражданской войны в России, перед советской властью встала жизненно важная задача формирования Красной армии и борьбы с дезертирством, которое в эти годы приняло колоссальные размеры. В своих заметках «Деревенская коммуна» указывала на тот факт, что «по деревням молодежь прячется от мобилизации, в редкой деревне нет такого бегуна».⁴⁸ Специально созданная комиссия по борьбе с дезертирством активно использовала в своих целях периодическую печать. На страницах губернских и уездных газет того времени постоянно появлялись заметки, в которых дезертиры запугивались

беспощадными карами по всей строгости закона военного времени.⁴⁹ В июльском номере «Деревенской коммуны» отмечалось, что после того, как ревкомитет объявил всех дезертиров вне закона и пообещал взять в заложники членов их семей, дезертиры стали активно возвращаться на мобилизационные пункты.⁵⁰ В качестве средств борьбы с дезертирством в газетах печатались имена дезертировавших из армии. Так «Деревенская коммуна» указывала, что из Н-ской железнодорожной роты дезертировал гражданин д. Токлово Островского уезда Щеглов Никифор.⁵¹ Подобные заметки встречаются и в дальнейшем на страницах периодической печати того времени.⁵² Авторы заметок и статей не обделили вниманием и проблемы мобилизованных крестьян, а также положение их семей. «Деревенская коммуна» указывала на случаи, когда местные органы Советской власти наделяли земель семьи дезертиров, которых в деревни было много, а семьи красноармейцев оставались без надделов.⁵³ На страницах этой же газеты красноармейцы сетовали на слабую заботу и невнимание к их семьям: «Стало быть, нас, – мобилизованных не считают защитниками пролетарской революции», отмечалось в открытом письме.⁵⁴ Жаловались красноармейцы и на то, что члены их семей не получают положенный им продовольственный паек.⁵⁵ В ответ на письма красноармейцев местные органы власти указывали размеры помощи, оказанной их семьям. Так, газета «Псковский набат» указывала, что за время существования комиссии по оказанию помощи хозяйствам красноармейцев в Великолукском уезде было роздано: 120 лошадей, 61 плуг, 11 борон на сумму 25544 руб.,

49 хозяйств получили 70 готовых построек на общую сумму 40270 руб. Лес отпускался бесплатно крестьянским хозяйствам, члены которых состояли в красной армии. В 1920 г. предполагалось раздать 150 голов скота и около 300 плугов.⁵⁶ По Островскому уезду отмечалось, что для семей красноармейцев ведется общественная заготовка дров и леса для ремонтных построек.⁵⁷

«Деревенская коммуна» отмечала случаи укрывательства от мобилизации лиц подлежащих призыву. Например, в июльском номере «Деревенской коммуны» указывалось, что члены исполкомов укрывают своих родственников и добрых знакомых, назначая их на различные должности. Крестьяне знают об этом и втихомолку шепчутся и негодуют.⁵⁸ В другом номере газеты приводился пример из Порховского уезда, где начальник милиции 4-го района назначил старшим милиционером Верхнее-Шелонской волости человека совершенно не грамотного, но являющегося «незаменимым работником».⁵⁹

На протяжении 1918 – 1919 гг., когда решалась судьба России, псковское крестьянство являлось важнейшей социально-политической силой в губернии. Газеты, как советские, так и оккупационные, внимательно отслеживали жизнь и настроения крестьянства, а порой стремились повлиять на его мнение. Периодическая печать того времени освещала различные социально-экономические и политические вопросы жизни крестьян Псковской губернии, но в тоже время, для более глубокого исследования необходимо привлечение других источников и материалов, позволяющих наиболее полно раскрыть изучаемую тему.

Примечания

- 1 Псковский набат. 1919. 14 января.
- 2 Деревенская коммуна 1919. 13 мая.
- 3 Деревенская коммуна 1919. 21 февраля.
- 4 Непогасимое пламя. 1918. 1 июня.
- 5 Деревенская коммуна. 1919. 26 июля.
- 6 Деревенская коммуна. 1919. 6 августа.
- 7 Псковский набат. 1920. 16 октября.
- 8 Псковский вестник. 1918. 7 июля.
- 9 Моя газета. 1918. 19 Июня.
- 10 Псковский набат. 1919. 16 мая.
- 11 Непогасимое пламя. 1918. 7 апреля.
- 12 ГАПО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 2. Л. 284.
- 13 Псковский набат 1919. 18 апреля.
- 14 Непогасимое пламя. 1919. 23 сентября.
- 15 Псковский набат. 1919. 26 апреля.
- 16 Псковский набат. 1919. 19 апреля.
- 17 Псковский набат. 1918. 18 декабря.
- 18 Псковский набат 1918. 31 декабря.
- 19 Деревенская коммуна. 1919. 23 февраля.
- 20 Аграрная политика Советской власти (1917-1918). М., 1954. С. 503, 507.
- 21 Псковский набат. 1919. 4 марта.
- 22 Псковский набат. 1919. 19 января.
- 23 Псковский набат. 1919. 21,24 января.
- 24 Псковский набат. 1918. 26 декабря
Псковский набат. 1919. 3 января, 18 февраля.
- 25 Деревенская коммуна. 1919. 22 августа.
- 26 Псковский набат. 1920. 17 января.
- 27 Деревенская коммуна. 1919. 11 ноября.
- 28 Псковский набат. 1919. 3 апреля.
- 29 Деревенская коммуна. 1919. 11 ноября.
- 30 Деревенская коммуна. 1919. 15 февраля.
Псковский набат. 1920. 5 февраля.
- 31 Псковский набат. 1920. 15 февраля, 22 февраля, 3 марта.
- 32 Псковский набат. 1920. 13 февраля
- 33 Псковский набат. 1920. 24 февраля, 25 февраля.
- 34 Моя газета. 1918. 20 октября, 6 ноября.
- 35 Моя газета. 1918. 19 июля.
- 36 Моя газета. 1918. 12 июня.
- 37 Моя газета. 1918. 17 Июля.
- 38 Моя газета. 1918. 19 Июля.
Псковский вестник. 1918. 1 июля.
- 39 Псковский вестник. 1918. 30 апреля.
- 40 Моя газета. 1918. 7 июля.
- 41 Псковский вестник. 1918. 7 апреля.
- 42 Новая жизнь. 1918. 26 мая.
- 43 Псковский вестник. 1918. 4 июня.
- 44 Моя газета. 1918. 26 мая.
- 45 Моя газета. 1918. 12 июля.
- 46 Моя газета. 1918. 14 июля.
- 47 Моя газета. 1918. 16 октября.
- 48 Деревенская коммуна. 1919. 12 июля.
- 49 Деревенская коммуна. 1919. 26 июня.
Псковский набат. 1920. 26 февраля.
- 50 Деревенская коммуна. 1919. 25 июля.

- 51 Деревенская коммуна. 1919. 18 июля.
- 52 Псковский набат. 1920. 24 января.
- 53 Деревенская коммуна. 1919. 19 июля.
- 54 Деревенская коммуна. 1919. 8 июня.
- 55 Деревенская коммуна. 1919. 15 июля.
- 56 Псковский набат. 1920. 15 февраля.
- 57 Псковский набат. 1920. 20 февраля.
- 58 Деревенская коммуна. 1919. 24 июля.
- 59 Деревенская коммуна. 1919. 3 августа.